

Кони Анатолий Федорович

На жизненном пути
Том 2. Из воспоминаний

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Федорович К.**
На жизненном пути: Том 2. Из воспоминаний / Кони Анатолий Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 798 с.

ISBN 978-5-519-90140-6

ISBN 978-5-519-90140-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ воспоминаній.

	стр.
I. Левъ Николаевичъ Толстой	3
II. По поводу драматическихъ произведеній Толстого . . .	57
С III. Тургеневъ.—Достоевскій.— Некрасовъ.— Апухтинъ.— Писемскій	77
IV. Александръ Ивановичъ Чупровъ	138
V. Василій Осиповичъ Ключевскій	170
VI. «Вѣстникъ Европы».	193
С VII. Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ	234
С VIII. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ	261
IX. Памяти Д. А. Дриля	284

Публичныя чтенія.

I. Пироговъ и школа жизни	293
С II. Памяти Тургенева	315
III. Великій Князь Константинъ Николаевичъ	354
С IV. Иванъ Александровичъ Гончаровъ	381
V. Константинъ Карловичъ Гротъ	406
VI. Два судебныхъ оратора	416
VII. Памяти Якова Григорьевича Есиповича	430

Въ Верхней Палатѣ.

I. Старообрядческія общины	443
II. Переходъ въ другія исповѣданія	467
III. Снятіе духовнаго сана	491
IV. Попечительства о народной трезвости	511

	стр.
V. Объ упраздненіи тотализатора	553
VI. Народный университет Шанявскаго	563
VII. Уравненіе наслѣдственныхъ правъ женщинъ	582
VIII. Законопроектъ объ авторскомъ правѣ	595
IX. Условное досрочное освобожденіе	619
X. Отмѣна существующаго обряда преданія суду	635
XI. Отмѣна прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ	670
XII. Объясненіе присяжнымъ угрожающаго подсудимому наказанія	676
XIII. Увеличеніе содержанія судебнымъ чинамъ	688
XIV. Мѣстный судъ	695
XV. Землеустройство и кассадія	707
XVI. Штаты Министерства Путей Сообщенія	712
XVII. Ассигнованіе на флотъ	719
XVIII. Финляндія и общегосударственные законы	726
XIX. Запросъ о примѣненіи 87 ст. Зак. Основныхъ	739

Дополненія.

I. Совѣщаніе о составленіи Устава о печати	751
II. Памяти И. И. Шампина	783
III. Къ открытію памятника доктору Гаазу	789

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Левъ Николаевичъ Толстой.

(Напечатано въ 1907 году).

I.

Большинство путешественниковъ, посѣщающихъ Швейцарію, конечно, знаетъ высокую гору на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, съ которой, на высотѣ 6.000 футовъ, открывается удивительный видъ на лежащую внизу равнину, изрѣзанную желѣзными дорогами,—на поэтической Люцернъ,—на зеленовато-голубыя озера, обрамленныя гордыми скалами, и на цѣпь Альпъ Бернскаго Оберланда. Величественнымъ блистаньемъ ихъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ при восходѣ солнца ѣздятъ специально любоваться, проводя для этого ночь на вершинѣ Риги, въ гостиницахъ, устроенныхъ на площадкѣ, именуемой Риги-Кульмъ.

Раннее утро и холодный воздухъ большой горной высоты заставляютъ обыкновенно всѣхъ ежиться и кутаться, быть хмурыми и скупиться на слова, покуда внезапно брызнувшіе лучи восходящаго солнца не заблистаютъ на алмазныхъ коронахъ окружающихъ гигантовъ и не вызовутъ выраженій общаго и шумнаго восхищенія. Не разъ наслаждался этой незабываемой

картиной и я, ожидая, среди собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта туристовъ, торжественнаго момента, когда надъ сгустившимся въ долинахъ и ущельяхъ туманомъ и предразсвѣтными тѣнями весело загорятся и заблестаютъ свѣжныя выси. У всѣхъ въ это время на устахъ, да, вѣроятно, и на умѣ, бывало одно и то же, потому что надъ всѣмъ личнымъ господствовала одна общая мысль о томъ, что должно вотъ-вотъ произойти... Но когда я посѣтилъ Риги-Кульмъ въ послѣдній разъ лѣтомъ, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, произошло нѣчто необычное. Собравшіеся въ очень раннее утро на вершинѣ обмѣнивались оживленными вопросами и замѣчаніями, въ которыхъ сквозила несомнѣнная тревога по поводу чего-то, что должно было неминуемо, къ общей печали, свершиться. Это *что-то* было напечатанное въ вечернихъ газетахъ извѣстіе, что Левъ Николаевичъ Толстой, бывший въ это время тяжело боленъ, находится въ безнадежномъ состояніи, и что ежечасно надо ожидать его кончины. И люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ странъ,—нѣмцы, англичане, испанцы и, въ особенности, американцы были удручены однимъ и тѣмъ же. Ихъ, предъ восходомъ вѣковѣчнаго свѣтила, тревожила мысль о томъ, что быть можетъ, въ это время уже закатилось духовное свѣтило, лучами котораго столь многіе, чуждые ему по языку и по племени, надѣялись освѣтить запросы неудовлетворенной души и смущеннаго сердца. И послѣ великолѣпнаго зрѣлища,—заставившаго нѣкоторыхъ, безъ сомнѣнія, почувствовать то, что чувствовалъ Кантъ, созерцая звѣздное небо, — за раннимъ завтракомъ продолжался разговоръ о Толстомъ, при чемъ, узнавъ, что я русскій (и на этотъ разъ единственный въ отелѣ), многіе обращались ко мнѣ съ вопросами о томъ, знаю ли я его лично, и можно ли вѣрить газетному извѣстію,—и далеко не одно простое любопытство слышалось въ ихъ словахъ.

Судьба, обыкновенно жестоко лишаящая нашу родину выдающихся ея сыновъ въ самомъ расцвѣтѣ ихъ силъ, едва они успеваютъ расправить свои крылья во всю мѣру своихъ способностей, на этотъ разъ была необычно милостива и сохранила намъ Толстого еще на нѣсколько лѣтъ. Приближается восьмидесятилѣтіе его жизни, и онъ еще творить, какъ бы оправдывая могущіи

быть примѣненнымъ къ нему стихъ покойнаго Жемчужникова:

Но въ немъ, въ odporъ его недугамъ,
Душевныхъ силъ запасъ великъ!

Къ этому дню, отъ предполагавшагося юбилейнаго чествованія котораго онъ отказался по такимъ трогательнымъ, глубокимъ и задушевымъ основаніямъ, появится множество статей съ оцѣнкой творчества и дѣятельности, личности и значенія «великаго писателя земли русской». Представить вѣрную и подробную его характеристику, какъ писателя и дѣятеля, однако очень трудно. Онъ еще живетъ среди насъ, онъ слишкомъ еще вплетенъ своими твореніями въ нашу ежедневную дѣйствительность, чтобы можно было говорить о немъ вполне объективно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство русскихъ развитыхъ людей—не ослѣпленныхъ безсильной по отношенію къ нему злобой и умышленнымъ непониманіемъ—можетъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «сей старецъ дорогъ намъ, онъ блещетъ средъ народа...», и потому трудно говорить о немъ совершенно безпристрастно.

Вотъ почему простыя воспоминанія о встрѣчахъ съ нимъ могутъ оказаться болѣе своевременными, давая посильный матеріалъ для будущаго историка и критика. Этотъ матеріалъ будетъ представлять собою нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ кусочковъ мозаики, самихъ по себѣ не имѣющихъ цѣны, но въ своей совокупности, въ рукахъ искуснаго мастера, дающихъ возможность создать цѣльную, продуманную и гармоническую картину. Желая дать нѣсколько такихъ кусочковъ, я рѣшился записать настоящія свои воспоминанія о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Львомъ Николаевичемъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ нимъ, мнѣ хочется сказать два-три слова о томъ взглядѣ на Толстого, который предшествовалъ нашему личному знакомству, двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, и остался у меня неизмѣннымъ до сихъ поръ.

Соединеніе глубины проникательнаго наблюденія съ высокимъ даромъ художественнаго творчества отражается во всѣхъ произведеніяхъ Толстого и даетъ рядъ незабываемыхъ типическихъ образовъ. Будучи вполне національнымъ писателемъ по

мастерскому умѣнію освѣщать бытовыя явленія народной жизни,—давая, какъ никто до него, понимать ихъ внутренній смыслъ и значеніе, онъ въ то же время былъ всегда и прежде всего вдумчивымъ изслѣдователемъ человѣческой души *вообще*, независимо отъ условій мѣста и времени. Его сочиненія—это цѣлыя эпопеи, въ которыхъ индивидуальная жизнь его героевъ сплетается съ жизнью и движеніями массы. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на его «Севастопольскіе рассказы» и на его удивительную по замыслу и исполненію «Войну и миръ», въ которыхъ индивидуальное и общественное начала идутъ рядомъ, взаимно дополняя и освѣщая другъ друга. Глубокая наблюдательность Толстого—которую отнюдь не надо смѣшивать съ острой проникновенностью психологическаго анализа Достоевскаго—даетъ ему возможность въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ жизни и въ дѣйствіяхъ самыхъ разнородныхъ людей подмѣтить и изобразить стороны или черты, ускользающія во вседневной жизни отъ взора читателя. И послѣдній остается пораженнымъ ихъ знаменательною правдивостью, иногда впервые увидавъ воплощеннымъ въ яркихъ художественныхъ образахъ то, что онъ много разъ на своемъ вѣку *видѣлъ*, но никогда сознательно не *замѣчалъ*.

На всѣ человѣческія отношенія отозвался Толстой,—и что бы онъ ни изображалъ,—вездѣ и во всемъ звучитъ голосъ неотразимой житейской правды. Онъ самъ, въ одной изъ первыхъ повѣстей своихъ, развертывалъ яркую картину одновременнаго проявленія въ группѣ людей, призванныхъ на защиту Севастополя, высокихъ порывовъ человѣческаго духа и низменныхъ сторонъ человѣческой природы, опредѣлилъ задачу и основное свойство своего творчества. «Тяжелое раздумье одолеваетъ меня,—говоритъ онъ.—Можетъ, не надо было говорить этого, можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобъ не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, которое не надо взбалтывать, чтобы не испортить его. Гдѣ въ моей повѣсти выраженіе зла, котораго надо избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно

подражать? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны. Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго стараюсь воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — *правда*.

Но не одному *изображенію правды* посвятилъ Толстой свой могучій талантъ. Онъ — даже въ ущербъ интересамъ литературы и объему своего художественнаго творчества—отдался *искаженію правды*. Эта вторая сторона его дѣятельности не менѣе значительна, чѣмъ первая. Безтрепетною рукою всегда стремился онъ—въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, сказкахъ, разсказахъ и повѣстяхъ, въ своихъ философскихъ и этико-политическихъ сочиненіяхъ—спясть обманчивые и заманчивые покровы съ житейской и общественной лжи, въ чемъ бы эта ложь ни проявлялась—въ теоріяхъ и практикѣ, въ традиціяхъ и учрежденіяхъ, въ обычаяхъ и законахъ, въ условной морали и безусловномъ насилии. Взывая къ *внутреннему человеку*, призывая его «совлечь съ себя ветхаго Адама», онъ страстными и убѣжденными страницами стремится доказать, что «царство Божіе» зиждется на вѣчныхъ потребностяхъ и запросахъ человѣческой души, независимо и даже вопреки тѣмъ условіямъ, въ которыхъ хочетъ ихъ поставить извратившееся въ своихъ стремленіяхъ человѣческое общежитіе. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми отдѣльными его положеніями или сильно сомнѣваться въ возможности ихъ цѣлесообразнаго осуществленія на практикѣ, но нельзя не отнестись съ горячимъ уваженіемъ къ писателю, который не удовлетворяется заслуженною славой великаго художника, а стремится всею силою своего таланта служить разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ жизни, во имя и съ цѣлью уменьшенія страданій и господства дѣйствительной, а не формальной только справедливости.

Ко всѣмъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью или возникающимъ въ глубинѣ души, начиная съ вопроса о семьѣ и воспитаніи и кончая отношеніемъ къ смерти, Толстой подходитъ съ глубокой вѣрой въ нравственную отвѣтственность человѣка предъ Пославшимъ его въ міръ, съ убѣжденнымъ словомъ о необходимости духовнаго самоусовершенствованія, независимо отъ полп-

тических формъ, среди которыхъ приходится жить. Онъ будить совѣсть, ставя ее — и ее одну — верховнымъ судьей жизни, побужденій и дѣятельности человѣка. Что бы ни писалъ Толстой — онъ обращается къ голосу, живущему въ тайникахъ человѣческой души, и, дѣйствуя страстнымъ словомъ или яркими образами, блещущими правдивостью, заставляетъ этотъ голосъ звучать настойчиво и долго. Этимъ, конечно, объясняется популярность его имени и трудовъ далеко за границами Россіи и то вниманіе, которое возбуждаетъ въ себѣ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ каждое его, даже незначительное по объему произведеніе.

II.

Въ ясное теплое утро 6-го іюня 1887 года я сѣлъ на станціи Ясенки, Московско-Курской желѣзной дороги, въ присланную за мною рессорную телѣжку и направился въ Ясную Поляну. Я ѣхалъ туда по любезному и настойчивому приглашенію Александра Михайловича Кузминскаго, который, будучи женатъ на сестрѣ графини Толстой, Татьянѣ Андреевнѣ Берсъ (авторшѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ рассказовъ изъ народнаго быта), жилъ въ тѣ годы каждое лѣто въ Ясной Полянѣ. Онъ былъ моимъ преемникомъ по званію предсѣдателя петербургскаго окружного суда, и у него въ домѣ я слышалъ удивительное чтеніе А. А. Стаховичемъ-отцомъ «Власти тьмы», чтеніе, всецѣло захватившее присутствовавшихъ и взволновавшее собравшееся свѣтское общество изображеніемъ глубокой драмы въ средѣ, гдѣ предполагалось, на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, все простымъ, несложнымъ и грубо-обыденнымъ. Тамъ же пришлось уже мнѣ самому читать «Крейцерову сонату» — и иногда останавливаться отъ внутренняго волненія, сообщавшагося и слушателямъ этого удивительнаго произведенія, съ которымъ слѣдовало бы действительно знакомить всѣхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь.

Есть произведенія, оказывающія властное вліяніе на все